

Безусловно, сравнивая информацию о составе делегатов первых партийных конференций, материалы мандатных комиссий, анкетные данные и др. по архивным источникам, перед нами может возникнуть яркая картина событий тех лет, которая всегда будет интересной для исследований.

¹ Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвящённые 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации / сост. О.Ю. Кузванова; науч. ред. А.А. Попов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. – 432 с.

² Жеребцов И. Л. История Республики Коми: научно-популярные очерки / И.Л. Жеребцов, Э.А. Савельева, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. – 288 с.

³ Создатели коми автономии / И.Л. Жеребцов, А.Ф. Сметанин, М.В. Таскаев, Л.А. Жданов; отв. ред. Е.Н. Рожкин. – Вып. 2. – Сыктывкар, 2006. – 128 с. – (Стоявшие у истоков).

⁴ История Коми с древнейших времён до конца XX века / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Т. 2. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.

⁵ Государственное Учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. П-1, оп.1, д.4, л.1.

⁶ Там же. Л.11, 15, 12, 13, 16.

⁷ Там же. Л.2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 17.

⁸ Государственное Учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. П-1, оп.1, д.15.

⁹ Государственное Учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. П-1, оп.1, д.18.

¹⁰ Там же.

Е. А. Курлаев

Институт истории и археологии УрО РАН

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЫВШЕГО КОМЕНДАНТА ДОМА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ Я. М. ЮРОВСКОГО НА СОВЕЩАНИИ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ В 1934 г.

Как известно, воспоминания Я. Юровского об обстоятельствах расстрела и сокрытия останков царской семьи записывались не менее трех раз. В 1920 г. появилась т.н. «Записка»¹, в 1922 г. – «воспоминания»², 1 февраля 1934 г. было стенографировано его выступление на совещании старых большевиков в Екатеринбурге. Документ, именованный «Подлинник стенограммы совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале»³ (далее «Подлинник стенограммы...»), был опубликован частично в двух изданиях⁴.

В 2008 г. я готовил к публикации еще один документ, являвшийся первичным стенографическим переводом выступления Юровского 1 февраля 1934 г. и названный «Машинописная расшифровка подлинника стено-

граммы совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале»⁵ (далее «Машинописная расшифровка...»). Он существенно отличался от опубликованного варианта стенограммы. В 2006–2007 гг. именно этот документ послужил импульсом для продолжения поиска второго захоронения, предпринятого по инициативе членов Военно-исторического клуба «Горный щит» Н.Б. Неуймина и В.В. Шитова. Однако в том же 2008 г. этот вариант стенограммы был опубликован в сборнике документов наряду с другими воспоминаниями Юровского⁶. Поэтому автор ограничился анализом обстановки проведения совещания 1934 г. и сравнением вариантов стенограммы.

Само понятие «стенограмма» предполагает точное фиксирование устного доклада с помощью условных знаков. Следовательно, оба документа, представляющие расшифрованную стенограмму одного и того же доклада, должны быть полностью идентичны. Однако сравнение текстов выявило их существенное отличие.

Основу документов составляет доклад Я. Юровского. Совещание имело форму беседы, и в документах зафиксированы вопросы, реплики, выступления других участников совещания. Среди присутствующих помимо докладчика упомянуты: Семен Степанович Моисеев, заведующий Истпартом, Василий Андреевич Чевардин, заведующий музеем Революции, Елена Борисовна Вайнер, вдова революционера Л. И. Вайнера, Александр Николаевич Жилинский, бывший в 1918 г. членом Уральского областного совета. Их фамилии упомянуты в тексте документа в качестве активных собеседников. Вышеупомянутыми именами и ограничивался круг участников закрытого совещания старых большевиков. Предположения, что на совещании мог присутствовать еще один активный участник расстрела, член Общества старых большевиков П.З. Ермаков, не имеют оснований.

Заседание проходило в здании бывшего Ипатьевского дома, где в то время одновременно располагались музей Революции, Истпарт и партархив⁷. Оно не ограничивалось одним днем и называлось «Совещание участников революционной работы 1917–1918 гг. в Екатеринбурге». Во вступительном слове С. Моисеев обозначил цель данного мероприятия: восстановить эпизоды и дать картину революционных событий в городе. Встреча с Я. Юровским была не первой и организовывалась с учетом его приезда в Екатеринбург. В архиве сохранилась «Стенограмма воспоминаний Я. М. Юровского о революционных событиях в Екатеринбурге в 1917–1918 гг.», датированная 14 января 1934 г.⁸

Следует обратить внимание на общую атмосферу, окружающую совещание. В докладе прозвучало замечание Я. Юровского о вреде рассказов в музее Революции, прекратившихся лишь в конце 1933 г. «Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции, вместо революции»⁹. Контрреволюция заключалась в том, что сотрудники музея рас-

сказывали посетителям о расстреле не только Николая I, но и его семьи. На какую почву упали его слова?

После убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. и последовавших расстрелов деятелей оппозиции, даже в этой небольшой парторганизации, где было и несколько большевиков с дореволюционным стажем, царило поголовное недоверие и доносы. Сотрудница Палей за показ в экспозиции музея «бешеных врагов советского народа, ныне расстрелянных Каменева, Зиновьева, Мрачковского и других их приспешников – Белобородова, Уфимцева и т. д.» была исключена из партии¹⁰. Возможно, речь шла о «романовской» экспозиции, т. к. А. Г. Белобородов, С. В. Мрачковский, Н. И. Уфимцев были непосредственно причастны к встрече, содержанию и убийству Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске.

С 1 марта 1935 г. музей закрыли «в виду протаскивания троцкистско-эсеровского контрреволюционного материала»¹¹. Тем не менее, продолжалась работа по оформлению различных выставок, но уже нет никаких упоминаний об экспозиции, посвященной расстрелу царской семьи.

В 1937 г. сложные принципиальные отношения внутри парторганизации музея достигли апогея. «Враги народа» были всюду. Все боролись с троцкизмом, и сами попадали под топор репрессий. Заместитель директора музея А. П. Никифорова (из рабочих, член партии с 1910 г.) поставила вопрос о проверке музея, которая «вскрыла троцкизм и эсеровщину в экспозициях музея Революции»¹². Директор музея В. А. Чевардин (из рабочих, член партии с 1904 г.), малоинициативный и больной человек получил в 1934 г. выговор, т. к. «допустил засорение музейной экспозиции эсеро-меньшевистскими и контрреволюционно-троцкистскими документами»¹³. Возможно, этот выговор был прямым следствием не только проверки, но и доклада Я. Юровского.

Взаимоотношения в руководстве музея разрешились соответствующим тому времени образом. Сначала наказали А. Никифорову. «Никифорову из партии исключить. Никифорова выполняла задание врага народа Коссова в отношении старого большевика В. А. Чевардина. Старалась доказать, что Чевардин является ставленником врагов народа, сама была послана врагами народа»¹⁴.

Вслед за своим заместителем 1 ноября 1937 г. на закрытом партийном собрании пострадал и В. Чевардин. «За всю свою жизнь он никогда не был большевиком, вместе с Никифоровой протаскивал троцкизм.... Началось соревнование Никифоровой и Чевардина, кто кого скорее выдаст»¹⁵. В. Чевардин, доказывая свою лояльность и ненависть к троцкистам, проявил неожиданное усердие, публично вырезал портреты врагов народа из книги о гражданской войне. Но, получив еще и выговор за утерю партбилета, он был исключен из партии с формулировкой «как враг народа», а чуть позже расстрелян. В этом году были расстреляны и другие участники

совещания С. Моисеев (член партии с 1906 г.) и А. Жилинский (член партии с 1904 г.).

«Машинописная расшифровка...» включает 33 страницы машинописного текста, напечатанного на одной стороне листа. В верхней части, помимо нумерации, стоят буквы «ВМ» на четных страницах и «З.С.» на нечетных. Возможно это инициалы стенографистов, осуществлявших расшифровку текста. Большинство страниц лишь частично заполнено текстом, заканчивающимся многоточием. При переносе текста на соседнюю страницу нередко отсутствует непрерывность изложения событий. Это создает впечатление, что до машинописного набора, расшифровка текста производилась двумя стенографистами, каждый из которых выполнял свою часть работы. Затем содержание переводов не было состыковано.

«Машинописная расшифровка...» по смыслу аналогична «Подлиннику стенограммы...», но более лаконична. Документы имеют общую структуру повествования и последовательность изложения событий. Они начинаются вступительным словом С. Моисеева, совпадающим практически слово в слово. Затем начинается рассказ Я. Юровского, который предваряет «вводная часть» (раздел 1), где обосновывается необходимость расстрела всей семьи и «правильный» взгляд на те события. Вводная часть идентична, за исключением отдельных фрагментов, отмеченных в таблице 1.

В «Подлиннике стенограммы...» в отличие от «Машинописной расшифровки...» разделы выделены, некоторые имеют подзаголовки, их содержание более подробное. После «вводной части» начинается рассказ о событиях, предшествующих назначению Я. Юровского комендантом ДОН (раздел 2. л. 3-4 об.), о его пребывании в качестве коменданта ДОН (раздел 3. л. 5-7). Далее следуют озаглавленные разделы: раздел 4 (л. 7-10) «Как содержался бывший царь Николай и семья, каков был режим, распорядок, питание и т.д.» и раздел 5 (л. 10-17) «Казнь Николая и семьи, и всех приближенных, которые неотлучно оставались с ними».

Разделы, обозначенные в «Подлиннике стенограммы...», несложно выделить по смыслу и в «Машинописной расшифровке...» (раздел 2 начинается с л. 3, раздел 3 - с л. 4, раздел 4 - с л. 5, раздел 5 - с л. 10 по л. 19).

Начиная с раздела 2, в документах наблюдается значительное расхождение в изложении текста. Наряду с общностью некоторых сюжетов (опечатывание шкатулки с драгоценностями, занятия царевен, заделка окна решеткой, встреча с бывшим grenадером, организация церковной службы), отметим, что в «Подлиннике стенограммы...» имеются эпизоды, отсутствующие в «Машинописной расшифровке...» (упоминание о заметке из газеты «Правда» (Л. 3), о миссии комиссара Яковлева (Л. 4-4 об.), об охране при коменданте Авдееве (Л. 5-5об.), о новых членах внутренней охраны (Л.6.); описание прогулок в саду, анекдот о Николае, и т. д.). Продемонстрируем ряд различий в содержании текстов.

Т а б л и ц а 1

Сравнительный анализ текстов

Раздел	«Машинописная расшифровка...»	«Подлинник стенограммы...»
1	Л. 2. То, что буду говорить, поскольку это исходит от меня, как от бывшего коменданта дома Особого назначения получает силу документа. Л. 3. Причем надо сказать, что попытки убийства бывшего царя Николая были и среди позже ставших левыми коммунистами, и среди эсеров.	Л. 1. То, что буду говорить, поскольку это исходит от меня, как от бывшего коменданта Дома особого назначения (в период 4-19 июля 1918 г.) получает силу документа. Л. 3. ...настроения немедленного расстрела бывшего царя Николая среди эсеров, входивших тогда в состав Облисполкома. Но что хуже, такие настроения были и среди отдельных ответственных коммунистов, многие из которых позже были, а другие еще и теперь в разных «левых» и др. оппозициях.
3	Л. 4. Кроме того, я сменил внутреннюю охрану, взяв несколько работников из ЧК, например т. Иона. Л. 4. Что касается пребывания в ДОН в качестве коменданта, то я пришел туда в первых числах июля.	Л. 6. Потом я сменил всю внутреннюю охрану. Ряд товарищей я взял также из Обл. ЧК, из них несколько латышей, фамилий их я к сожалению не помню (было их человек 5 или 6) Л. 5. Мое непосредственное отношение к ДОН, где содержался бывший царь Николай с семьей, начинается 4-го июля, а 19-го, вернее даже 16-го уже кончается...
4	Л. 5. Если взять в части питания..., а помимо этого им носили всякие вещи из женского монастыря. Я тогда считал, что это надо прекратить, что можно им жить и без всяких шанег, запретил всякий принос, почему-то оставил только молоко....	Л. 7 об. По части питания. ...они много получали всяких продуктов из женского монастыря, это последнее надо полагать им было разрешено в целях обнаружения связи с организациями, принимавших меры к их освобождению.... Правда, не все приносимое им передавалось, но все же немало и им перепадало.

5	Л. 8. Близко к середине июля Филипп мне сказал, что нужно готовиться в случае приближения фронта к ликвидации. Как будто 15-го вечером, или 15-го утром он приехал и сказал, что сегодня надо это дело ликвидировать, Л. 9-10. Их, правда, беспокоило то, что я днем взял мальчика оттуда и перевел в помещение наружной охраны.... Его фамилию я забыл... Я сказал, что у него приехал дядя, и он хочет с ним повидаться. Л. 10. Он сказал на это «Что?». В это время он повернулся к Александре Федоровне, я выстрелил в него... Л. 13. Когда мы застряли и остановились, я пошел посмотреть и обнаружил, у одной из дочерей одет лиф – панцирь с бриллиантами.... Четыре из них были буквально в бриллиантовых панцирях. Л. 17. И вот уже была выкопана довольно большая яма. На вторые сутки приходит ко мне один из ребят и говорит: «В этом месте шел какой-то и Ермаков его допустил, разговаривал с ним и отпустил его». Тут, по правде говоря, я готов был расстрелять за это прохвоста... Л. 17. Затем мы поехали за линией железной дороги, и снова наш автомобиль застрял.... Возились часа два. Я велел разложить костер и приступить к сжиганию. Думая, что пока удастся выпастить машину, часть будет сожжена. Но это не удалось, т.к. снова наступило утро.... Решил я тогда найти более удобное	Л. 10 об. Примерно того же 10-го, 11-го июля мне Филипп сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться. 15-го июля утром приехал Филипп и сказал, что завтра надо дело ликвидировать. Л. 11. 16-го утром я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика-поваренка Седнева. Это вызвало беспокойство арестованных. Л. 12 об. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Л. 14 об. Велел разложить костры, когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и Александре Федоровне, на последней я точно не помню, что было тоже как на дочерях, или просто зашитые вепи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и др. ценных камней.... Л. 16. Хотя Ермаков и уверял, что тот ничего видеть не мог, тогда и другие товарищи, кроме сказавшего мне, стали иллюстрировать, то есть, показывая, где тот был и что он, несомненно, не мог не видеть. Так был провален и этот план. Л. 16-16 об. Переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре. Пробившись час два, мы приближались уже к полуночи, то я решил, что надо хоронить где-то тут.... я послал натаскать шпал.... Нужно сказать, что все дьявольски устали, но как всегда в таких случаях бывает,
---	--	---

место. Линия железной дороги была недалеко. Там мы одного заставили копать яму.... В это время мы жгли. Велели притащить шпалы, имея в виду, чтобы их наложить сверху, чтобы все считали, что здесь устроен вроде как помост для того, чтобы прошел грузовик.... Там вместе с Александрой Федоровной была Демидова и Алексей, мы их сожгли. Тогда я велел вырыть яму, их закопали, снова наложили сверху земли, это место совсем не видно. Никто не мог подумать, что мы там жгли, мы сумели все собрать до самой мелочи....	двое-трое взялись за дело, потом приступили другие. Тут же развели костер, и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке вместо Александры Федоровны сожгли, очевидно, Демидову. На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костер и золой скрыли всякие следы. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, потом спустили в яму, снова залили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку.
--	---

Как видно из таблицы текстовые различия в документах существенны. Следует обратить внимание еще на один важный признак, не отмеченный в первых публикациях стенограммы выступления Я. Юровского. «Подлинник стенограммы...» датирован 7 февраля 1934 г., что лишний раз указывает на то, что Я. Юровский не просто внес правки в документ, а фактически заново его написал.

По нашему мнению «Машинописная расшифровка...» является реальной стенограммой, дословно воспроизводящей выступление Я. Юровского и реплики участников совещания. Это можно проверить, заново осуществив перевод сохранившейся стенографической записи. Докладчик сделал правки на копии этого документа, а в последующие дни переписал доклад, сохранив основу стенограммы, хотя «Подлинник стенограммы...» таковой уже не являлся. «Стенограмма» была написана заново и пополнена новыми подробностями, в ряде мест внесены правки текста, некоторые из которых, очевидно, отразили реальную обстановку выживания в острой политической борьбе.

¹ Последние дни Романовых: документы, материалы следствия, дневники, версии / сост. М.П. Никулина, К.К. Белокуров. Свердловск, 1991. С. 154–159. Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. – М., 2007. С. 91–104, 276–280.

² Источник. 1993. № 0. С. 107–116.

³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–17.

⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–22. Последние дни Романовых:... С. 254–264. (в сборнике опубликованы Л. 1–10 документа). Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 108–116. (в сборнике опубликованы Л. 10–22 документа). В сборниках указана внутренняя нумерация

самого документа, что неверно при его публикации, т.к. должна использоваться общая нумерация дела: Л. 1, 1 об. и т. д.

⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–33.

⁶ Исповедь царевубийц. Убийство Царской Семьи в материалах предварительного следствия и воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления / Авт.-сост. Жук Ю.А. М., 2008. В данном сборнике эти документы именуются как первичная и окончательная расшифровки текста стенограммы.

⁷ Архивная служба Свердловской области – 85 лет. Екатеринбург, 2004. С. 65–68.

⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 152. Л. 2–3.

¹⁰ Там же. Ф. 4352. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 22 об.

¹² Там же. Д. 1. Л. 7–8.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 13.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 62.

¹⁵ Там же. Д. 4. Л. 75–75об.

О. Ю. Левченко

*Забайкальский институт предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации*

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ни один иностранный язык не играл на протяжении европейской истории такой значительной роли, как латинский язык, являясь в период средневековья международным языком, позволяющим ученым и студентам из разных стран понимать друг друга, эффективно общаться и обучаться.

Постепенно теряя свои позиции языка международного общения, латынь долгое время сохраняла главенствующую роль в образовательных системах многих стран, являясь одним из главных общеобразовательных предметов в учебных заведениях различного типа. Хотя на сегодняшний день латинский язык утратил свое значение международного языка, но, тем не менее, его позиции в некоторых научных областях остаются незыблемыми. Одной таких сфер традиционно является медицина. В рамках данной статьи, опираясь на архивные документы, мы кратко охарактеризуем преподавание латинского языка в учебных заведениях Забайкалья с дореволюционного периода до наших дней.

Развитие отечественного медицинского образования тесно связано с социально-экономическими преобразованиями, происходившими в стране.